

Галина Романова

ВЕДЬМА
ОТМЩЕНИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Ведьма отмщения : [роман] / Галина Романова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247598-6

Если бы не эти странные телефонные звонки, то Маша по-друга Зойка была бы жива. Начались они почти два месяца назад. Звонили на домашний номер Маше и долго молчали. Причем когда не было дома мужа, Вовки. А потом телефонный террорист позвонил Маше на мобильный с... домашнего телефона. И вот теперь в ее квартире в луже крови лежит лучшая подруга Зойка! Как такое возможно? Зойка просто решила проверить, с кем развлекается Вовка. Маша уже не сомневалась — это муженек вознамерился свести ее с ума телефонными звонками. Но тот уверял: его не было дома! Тогда кто бродил по их комнатам, кто звонил с их домашнего телефона и кто же убил ее подругу?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247598-6

ГЛАВА 1

Девушка была тоненькой, хрупкой, в кожаном мотоциклетном костюме. Если бы не длинные светлые волосы, выбивающиеся из-под шлема и рассыпавшиеся по спине крупными колечками, смело можно было бы принять ее за мальчика. Высокого стройного мальчика. Волосы все меняли. Сразу угадывалась тонкая талия, длинные ноги в высоких сапогах, грудь, обтянутая кожей со множеством блестящих молний.

Девушка, конечно, это была девушка. И почему-то хотелось думать, что прехорошенькая. И зря она прячет свое лицо под черным стеклом шлема. Не едет же никуда. Просто сидит на своем байке, уперев одну ногу в землю, вторую — в низкую изгородь возле его подъезда.

Женя еще раз посмотрел на неподвижный силуэт сквозь стекло в двери и вышел на улицу. Тут же поежился. Утро было прохладным и влажным, хотя солнце заливало город пронзительным ярким светом. «Разогреет», — решил он и застегнул тонкую ветровку до самого подбородка. Он не успеет замерзнуть. Ему всего лишь пройти пешком пару кварталов до мага-

зина. Купить еды и выпивки. Потом он вернется, включит чужой телевизор в чужой съемной квартире, уляжется на чужой диван в чужой гостиной и будет ждать встречи с чужой женой. Встреча та должна состояться в понедельник утром, когда он явится на работу, когда она займет свое начальствующее кресло. До той поры...

До той поры все, что он может, — это есть, пить, лежать, может быть, спать. И ждать, ждать, ждать.

Ничего, он терпеливый. Он подождет, потому что ему есть чего ждать. Он приехал в этот город не покорять его, нет. Не остаться тут навечно. Он приехал сюда, чтобы сделать состояние и вернуться к себе вполне обеспеченным человеком, готовым покорять всех и вся именно там.

Как и посредством чего, он поначалу не знал. Потом, когда судьба столкнула его с Машей, правильнее с Марией Сергеевной Киреевой, Женя сразу понял: вот он, его шанс. Один на тысячу. Может быть, один на миллион!

Женщина была финансовым директором фирмы, куда он устроился менеджером по продажам.

Женщина не была отягощена семейными обязательствами настолько, чтобы не обратить на него внимание. Нет, муж, конечно, имелся, но с ним было все, как у всех. Давно чужие, давно привыкли, давно бы разбежаться, да все некогда, давно некогда. И лень кого-то искать на замену. Кто знает, кого найдешь еще?

Искать ей не пришлось бы, он всегда под рукой. Он очень привлекателен, очень умен, талантлив. Он готов ждать, готов

быть верным, покорным. И жертвовать-то особо ему ничем не пришлось бы, женщина была невероятно красива. Кажется, она сама не осознавала, насколько красива.

Маша была высокой, худенькой, но не дохлой. Где положено чему-то быть, у нее было. Длинная шея, красивое бледное лицо, густые светлые волосы до плеч, с которыми у нее была вечная проблема. Она то за уши их задвигала, то сворачивала узлом и прищипливала чем придется, случалось, что и карандашом. Носить красивые прически она не умела, это точно. И если к праздникам в парикмахерской ей ухитрились что-то соорудить на голове, то через час все рассыпалось. Прядь за прядью, локон за локоном. У нее были потрясающе красивые руки, лодыжки, коленки. Женя просто млел, когда видел, как она сидит в кресле. Столько грации, столько бесподобной грации было в ней, в тесно сведенных коленях...

Ему одно время даже казалось, что он сильно влюблен в нее. Это когда он мечтал о ней ночами, возбуждая себя видениями, и засыпал потом вспотевший и обессиленный. Это когда ждал встреч по утрам в офисе, когда радовался звуку ее голоса, ее смеху.

Это быстро прошло. В смысле, ощущение влюбленности. Оно оказалось обманчивым, потому что он мог с таким же успехом мечтать и о других женщинах. И представляя их голыми, не считал себя при этом извращенцем, обманщиком и изменником. Да Маша его до тела так и не допустила. Дразнила его, держала на расстоянии, временами подтягивала за поводок, как собачку, позволяя поцеловать руку, один раз в щеку. Но и только! Так что...

Так что он был вправе иметь кого-то еще. Ее-то он не имел, черт побери!

— Привет, — проговорил он, поравнявшись с девушкой на байке. — Кого-то ждешь?

Он никогда не смущался с женщинами. Он знал, что очень хорош собой. Знал, что нравится им. Знал, что не нахамят в ответ. И эта не нахамила. Потянулась к шлему, стащила его с головы и кивнула, проговорив очень сексуальным с хрипотцой голосом:

— Привет, привет.

— Кого-то ждешь? — спросил Женя, останавливаясь напротив и без стеснения рассматривая в упор девушку.

Она была даже лучше, чем он подумал вначале, наблюдая за ней сквозь стекло подъездной двери. Смуглое лицо. Удивительные, какие-то азиатские, карие глаза, темные губы. И копна светло-русых кудрявых волос. Она была очень красива. И он ее тут же представил голой, без кожного костюма, прямо на байке: с длинными смуглыми ногами, с изящными ступнями, с ноготками, выкрашенными в черный почему-то цвет. Выше ему виделся плоский живот с крохотным сверкающим камешком в пупке, маленькая упругая грудь с темными сосками — будто вишневый бархат, припорошенный пылью. Женя по опыту знал, что соски у женщин одного цвета с губами. Может, чуть светлее. Узкие плечи, изящная шея, нежные щеки.

Господи, да он возбудился!

— Кого-то ждешь? — переспросил он, перехватывая пакет так, чтобы загородить от нее низ живота.

— А ты куда-то идешь? — поддразнила она, обнажая в улыбке белоснежные зубы.

На левом верхнем клыке было что-то нарисовано или написано, он не разобрал, но возбудился от этого еще сильнее.

— Шел, пока тебя не встретил.

Женя сделал шаг к байку, уперся ногой в низкую изгородь, как и она. Облокотился на согнутое колено, приблизился к ней настолько, что стал слышен ее запах. Она пахла нагретой на солнце кожей, прибитой дождем пылью, черной смородиной и еще чем-то, от чего у него все поплыло перед глазами.

— Встретил и что? — Ее рука поднялась до его подбородка, указательный пальчик лег на губы и прошелся влево-вправо, медленно, дразняще.

— И идти уже никуда не хочу, — выдохнул он прямо в ее ладонь и, сложив губы трубочкой, поцеловал кончик пальца.

— А что хочешь? — Она сняла ногу с забора, спрыгнула с байка, принялась укладывать шлем в запирающийся багажник.

— Тебя... — шепнул Женя в ее затылок, мелькающий перед глазами. — Тебя хочу... Сильно! Очень...

Она заперла багажник, поставила байк на охрану, повернулась к нему, подергала затянутыми в кожу плечами и произнесла совершенно буднично:

— Тогда идем, малыш. Осчастливию!

Все началось уже в подъезде: он хватал, прижимал, она лънула, тут же отворачивалась, дразнила. Визжали молнии на ее костюме, обнажая ее гладкую кожу. Он успел добраться

до ее маленькой твердой груди, с темными, будто вишневый бархат, припорошенный пылью, сосками. Он успел впитаться в них ртом, когда она его снова оттолкнула и застегнулась.

— Погоди-ии... — хрипло попросила она, глядя на него сумасшедшими глазами, занавешенными длинными ресницами. — Не спеши-ии...

Но он спешил. Спешил и, как идиот, был неловок. Не смог попасть сразу в замочную скважину ключами, уронил их, поднял, снова уронил, потому что ее колени оказались перед глазами. Дверь распахнулась, они вошли, захлопнули ее, и он опять замешкался, пытаясь избавиться от ветровки. Молния постоянно заедала. Он же всегда помнил об этом, а тут забыл и провозился. А она тем временем начала раздеваться сама! С грохотом летели в сторону ее высокие сапоги, с треском расстегивались молнии. У нее ничего не было под этим кожаным костюмом. Ничего, кроме крохотных белых трусиков и беленьких носочков. И она была такая, да, такая, какой он себе ее и представлял! Изящная, гладкая, смуглая, с камешком в пупке. И еще она была очень сильная. Она все время была сверху, прижимала его плечи к дивану, не позволяя ему перевернуться. Она резко двигалась, выгибала спину, тихо стонала, откидывала голову назад, кусая темные губы. Когда он хотел приподняться и поймать ее сочный бархатный рот губами, она толкнула его в грудь, навалилась сверху и зашептала:

— Делай, как я велю... Просто лежи смирно... Делай, как я велю... Слушайся меня, малыш...

— Да, да, да.

Женя задыхался, он чувствовал толчки его крови в жилах, ощущая, как переполняется его сердце. Как тянется каждым нервом его тело к этой удивительной властной девушке. С ним никогда ничего подобного не случилось прежде. Картинка плыла перед глазами. Резкое движение тонкого загорелого силуэта, взметающиеся русые кудряшки, темные твердые, как кнопки, соски, гладкий живот, сумасшедшие сполохи крохотной бусинки.

— Слушайся меня, малыш... — шептала без конца девушка. — Желай меня... Бери меня...

Когда он смог шевельнуться, ему показалось, день закончился. В комнате сделалось темно. Он включил ночник, глянул на часы на стене. Прошло-то всего полтора часа, а будто вечность!

— Где ты? — громко спросил он, услышав, как шум воды в ванной прекратился и хлопнула дверь. — Иди сюда!

Она вошла, мягко ступая в белых носочках по его грязному полу, уборка была в планах на завтрашнее утро. Голая, мокрая. Капли воды стекали по смуглой коже и казались росой.

— Как тебя зовут? — опомнился Женя и тут же подумал, что имя у нее должно быть такое же необыкновенное, экзотическое.

— Влада... — проговорила она, нависая над кроватью. — Меня зовут Влада, Женечка.

— Ты?! — Он подскочил так, будто на него плеснули горячим маслом. — Ты знаешь, как меня зовут?!

— Конечно.

С легкой улыбкой она уселась по-турецки в ногах, похлопала ладошкой по одеялу. Он послушно вернулся, не в силах ото-

рвать от нее взгляда. Она везде, везде была бархатной, красивой и очень желанной! Он снова хотел ее, хотел бешеного ритма, путающего мысли, застилающего глаза. Он хотел...

— Но как ты... — Женя положил руку ей на колено, погладил. — Как ты узнала?! Ты что же, меня ждала у подъезда?

— А там был кто-то еще? — Она игриво шевельнула плечами, зовуще улыбнулась, позволила его руке скользнуть выше по ноге. — Конечно, я тебя ждала.

— Зачем? Зачем я тебе понадобился?

Он вдруг спохватился, опомнился. Отодвинулся от нее, сел, накинув на себя край простыни. Ему сделалось не по себе.

Эта девушка...

Эта красивая девушка с красивым именем не могла просто взять и влюбиться в него, проезжая мимо по улице. Он, конечно, недурен собой, но не настолько, чтобы такие вот экзотические красавицы теряли от него голову. Даже если она и увлеклась им походя, то откуда ей стало известно его имя? На спине оно не было написано и не вышито крестиком на груди. Откуда?!

— Я не спрашиваю, как ты обо мне узнала. — Женя скосил на нее взгляд. Она совершенно невозмутимо наблюдала за ним, не пытаясь прикрыть мокрого после душа тела. — Я спрашиваю, зачем я тебе?

— Слушай, малыш... Слушай и запоминай, что я тебе скажу. Повторять не стану!

Она резко сбросила на пол ноги, и он обратил внимание, что носочки ее не запачкались. Грязь к ней, что ли, не лип-

нет? Влада грациозно прошла по его захлавленной комнате, остановилась у окна, выглянула, откинув штору, на улицу. Потом повернулась, уставилась на него ничего не выражающим взглядом. Совершенно ничего не было в ее темных глазах, совершенно!

И от этого ему снова сделалось не по себе.

— Мы с тобой случайно встретились. Так?

— Будем считать, что случайно, — хмыкнул он и потянулся к одежде, его вдруг стала смущать собственная нагота.

— Тебе было хорошо со мной? Только честно!

— Честно?

Он воровато осмотрел ее всю, от каемки белых носочков до темных напряженных сосков, прошелся взглядом по длинной шее, губам, волосам. Судорожно глотнул, снова почувствовав возбуждение.

— Ты... Ты потрясающая, Влада! Такого со мной еще никогда не было! И я...

— Хочешь, чтобы это не закончилось прямо здесь, прямо сейчас? — Она медленно дошла до него, ее сверкающий бусинкой пупок оказался на уровне его рта.

— В смысле? — В висках у него заломило, серьезно думать и одновременно алчно желать было очень сложно.

— Хочешь продолжить наши отношения? — Она сделала еще шаг, и его рот приложился к ее коже.

— Да, да, хочу! Конечно, Влада!

— Тогда... Тогда ты станешь делать, что я тебе велю. Станешь?

Она снова оседлала его, сбросив на пол так и не пригодившуюся одежду, принялась цеплять его рот, шею губами, пальцами, он просто сходил с ума.

— Да, да, все, что хочешь...

— Кстати, а что ты хочешь? — Она дремала, и ему пришлось ее слегка растолкать.

— Что? — Влада глянула на него, убрав с лица разметавшиеся пряди волос.

— Ты сказала, что я должен сделать для тебя что-то. Я хочу знать что? — Он нервно хохотнул, сдвигаясь на край дивана и намереваясь сделаться серьезным наконец. — Предупреждаю сразу, банки грабить я не стану!

— О Господи! Какие банки? О чем ты? — пролепетала она, зарываясь лицом в подушку. — Просто ты должен мне помочь в одном деле, и все.

— В каком? В каком деле? — Он потолкал ее снова, ее тело в простынях лишь чуть колыхнулось, она даже во сне казалась скрученной пружиной, напряженной и готовой к прыжку.

— Ну, неужели нельзя дать мне отдохнуть! — возмутилась она громким шепотом, приподняла голову и глянула на него зло. — Ты поимел меня, Женечка? Поимел! Причем совершенно бесплатно! Теперь...

— Бесплатно... Поимел... — едва шевеля губами, повторил он слова, показавшиеся ему грязными, смрадными. — И что теперь?

— А теперь, после того как ты поимел меня, мы поимеем твою Машку! — рывкнула она, ее голова снова упала на подушку, и через мгновение Влада уснула.

«Машку? Поиметь?! Господи, что задумала эта экзотическая штучка? Что придумала?»

Нужды спрашивать, кто такая Машка, не было. Женя не был идиотом и сразу понял, о ком речь. И никаких сожалений от измены не чувствовал. Но...

— Но ты ведь сам хотел от нее что-то поиметь, разве я не права?

На следующее утро Влада завтракала омлетом и кофе с маковым роголиком за его столом, успев снова облачиться в кожаный скафандр.

— Я? — Он неуверенно глотнул кофе, сваренный ею, поморщился, кофе она сварила дрянной. — С чего ты взяла?

— Хватит, Женечка! Еще скажи, что она тебе жутко нравилась! — Влада фыркнула. — Я не слепая! Я долго наблюдала за вами и сразу поняла, что мальчик готовит для себя какую-то платформу. Грабить ты ее, конечно же, не стал бы. Но вот заставить ее совершить должностное преступление, думаю, вполне в твоем духе и в твоих силах. Ты поимел бы денежки с аферы, состряпанной вами сообща. Потом ты сваливаешь, а она идет в лучшем случае за ворота. В худшем — в тюрьму! А ты благополучно возвращаешься в свой городок, который любишь и в который жаждешь вернуться. Укажи мне, где я ошиблась?

Он молчал, потрясенный. Неужели у него на морде все это было написано, когда он провожал Марию? Когда целовал ей руку возле ее машины? Когда покупал ей цветы?

Нет, нет! Он не про должностное преступление, которое Маша должна была совершить! Он так далеко не заходил в своих расчетах. Он про свой алчный интерес к этой даме. Неужели он был так заметен со стороны?

— Я никогда не мечтал засадить ее в тюрьму! — опротестовал он, нервно поводя шеей. — Никогда не собирался подбивать ее на неблагоприятные поступки!

— Ой-ля-ля! — насмешливо и недоверчиво ухмыльнулась Влада.

— Можешь не верить, но это так. — Он спокойно выдержал ее взгляд и уточнил: — Да, не скрою, я мечтал использовать ее. Карьерный рост, протекции всякого рода, не отказался бы и от щедрых подарков с ее стороны, но... Но чтобы заставить ее... Да ее и не заставишь!

— Это точно, — нехотя кивнула Влада и принялась крошить на столе кусок рогалика. — Машка упертая и принципиальная. Ее не сдвинешь. Если...

— Если?

— Если только судьба не повернется к ней задом и не заставит ее совершать ошибки. А? Как тебе?

— Что именно?

Ему вдруг сделалось жалко милую интеллигентную Машу, она всегда так тепло улыбалась ему. Так нежно произносила

его имя: Женечка. Как-то на особый лад. И опять же, одно дело, когда у него свой интерес...

И совсем другое эта девушка! Ей-то что надо?!

— Мне? — Ее лицо вдруг окаменело, а глаза загорелись странным болезненным пламенем, от которого ему стало больно в переносице. — Мне очень хочется увидеть ее крах! Ее унижение! Ее боль! Ее одиночество! А если при этом я сделаюсь чуточку богаче, то я не откажусь!..

ГЛАВА 2

— Мишаня, Мишаня, отстань!!!

Лидочка шутиливо шлепала его по рукам, срывающим с нее кухонный фартук и тоненький халатик. Руки, ведомые глазами, знали отлично: под халатиком ничего нет! Ни единой вещицы, ни единой ниточки. Она вообще никогда дома не надевала на себя ничего, кроме тоненького халатика. Ткань была прозрачной, яркой, и это тоже возбуждало. Как и не сдерживаемая нижним бельем плоть, прекрасно просматривающаяся.

В голове у него сильно стучало, и отчаянно хотелось пить, но он как раз добрался до тела. Как раз сдернул с нее и фартук, и халатик. Отвлекаться не следовало, следовало продолжать, а то непременно какая-нибудь сволочь из ее бывших друзей и знакомых, а то и врагов позвонит и все им изгадит.

— Лидуша... Лидуша... — судорожно шептал Миша, забираясь на женщину. — Какая же ты... Какая же ты...

Она довольно улыбнулась ему в лицо, потом закинула подбородок на его плечо, и брезгливая ухмылка тронула ее полные губы.

Господи, как же ей был противен этот увалень! Как неприятна его белая пористая кожа, крупные ягодичы, наметившийся волосатый живот. Она бы даже за деньги с ним не пошла, а ее положение на точке перед тем, как завязать, было привилегированным, она временами могла даже выбирать. Его бы она точно не выбрала. Даже за деньги! Но вот за обещание жениться...

Лидочка, стараясь отвлечься от его отвратительного пыхтения, сопения и судорожных движений, задумалась.

Готова ли она жертвовать свободой ради статуса замужней женщины? Готова ли день за днем видеть перед собой противную одутловатую рожу с вечно мокрыми губами, которыми он тыкается, куда придется? Готовить ему, стирать, сносить его дурное настроение, терпеть его сумасшедшего папашу? И все ради чего? Ради штампа в паспорте?

Она подумала, подумала и легонько себе кивнула. Готова! Она хочет семью, хочет детей, хочет кормить их с ложечки, менять им памперсы и сюсюкать с ними, агукаться. И пускай даже их отцом будет этот тюлень, заглядывающий в рот папаше и ненавидящий собственную сестрицу. Другого-то, по всей видимости, не будет. С ее репутацией, с ее прошлым надеяться на принца глупо. Так что пускай будет Миша... для начала. А там, как карта ляжет.

— Тебе хорошо было, Лидуша? — шепнул Миша, остановившись. Его мокрые губы впились ей в шею, ее передернуло. — Хорошо?

— Да, да, давай слезай, ты очень тяжелый. — Ее ладошка легонько хлопнула его по задку. — Надо бы спортом заняться, дорогой. А то в свадебный костюм не влезешь.

Он свалился на бок, завел руки за голову, потянулся с хрустом, мечтательно улыбнулся.

— Свадьба... Ты в самом деле хочешь орущую беснующуюся толпу?

— Мне на нее плевать. Я хочу белое платье, туфли, прическу, огромные букеты цветов, подарки, крики «горько». А если при этом будет присутствовать орущая беснующаяся толпа, то, что же, потерплю.

— Угу. — Он кивнул, нахмурился. — Отец сказал, денег не даст.

— А ты что же, не в состоянии заработать?

Лидочка повернулась на бок, привстала на локте, окинула взглядом крупное белое тело. Мишка был жирным, как поросяенок. И очень ленивым.

— Я работаю, — слабым голосом возразил он, предвкушая час нотаций и уроков жизни, от которых его воротило, если честно.

Тоже еще Белоснежка! Жизни учит! Если бы не подлюка любовь, вползшая в его кровь и намертво там поселившаяся, никогда не стал бы терпеть.

— Работает он! — фыркнула Лидочка. — Работать можно по-разному. Можно вкалывать, а можно штаны просиживать. Последний вариант, как правило, малооплачиваемый.

— Не скажи... — Мишкины ноздри хищно раздулись. — У Машки вон мужик тоже в офисе сиднем сидит, а деньги гре-

бет лопатой. И Машка сама не на стройке бетон месит и тоже не бедствует.

— Ты опять?! — Лидочка резко села, потянулась к халатику. — Что ты чужие деньги вечно считаешь, Миша?! Ты свои научись делать! А то так и жизнь пройдет за этими подсчетами.

— Слышь, Лид, а ей ведь еще и наследство упало! — вдруг вспомнил он, и лицо его сделалось серым. — Чего же ей так все время везет-то, а?! Жила-была тетка. Старая, поганая мегера. Особо с нами и не зналась. Отца за версту обегала. С матерью будто еще как-то общалась, когда та была жива. А с отцом... Даже не помню ни одной их встречи.

— А с Машкой?

— С ней они виделись, но не особо часто.

— Ты мог и не знать.

— Мог, конечно, — не стал спорить Мишка, тяжело поднялся, потянулся за трусами, с кряхтением надел, натянув резинку на толстый живот. — Но все равно... У нее опять же, у тетки этой, пасынок был. А она возьми, и дом отпиши Машке! Вот с хрена ли?!

— Может, она любила ее? — предположила Лида и украдкой глянула на часы.

Через полтора часа к ней сюда, на ее съемную квартиру, должен был прийти клиент. Она вообще-то официально завязала, на точке не светилась, и из базы данных ее удалили, одеваться стала приличнее и скромнее. Но для себя, для своих нужд материальных, Лидочка оставила парочку клиентов.

Ну, если быть точной, клиентов было четверо. Все были солидными людьми, не желающими светиться в уличном съеме. Все были женатиками, что тоже очень даже замечательно. И все были при бабках! И платили ей за верность ого-го сколько! Мишаня столько за месяц не зарабатывал, сколько она за три часа. Каждому из этой четверки почему-то хотелось ее именно не на час, не на два, а на три.

— Что так? Не насытился? — любила спрашивать Лидочка, готовя кофе и бутербродики разомлевшему и уставшему мужику.

— Все в порядке, малышка... Просто...

— Что?

— А поговорить? Дома-то разве получится?

Так что она одновременно выполняла роль и утешительницы, и советчицы, и любовницы, и подруги, и массажиста. У нее же как-никак было медицинское образование. Не высшее, но уколы, массаж, капельницу — это она могла. А особо когда за это щедро платили, она в лепешку разбиться была готова. И массировала, и колола, и щебетала, и ласкала.

Сегодняшняя встреча была очень важной. Клиент собрался разводиться с женой, наметил новый брак, и ей нужно было быть невероятно соблазнительной — он же должен отвлечься от проблем. Обворожительно мудрой — в ее советах он нуждался теперь как никогда. Ну и, конечно же, привлекательной. А на это уйдет час минимум. Времени в обрез. Мишку надо проваживать.

Но он вдруг и сам засобирился. Оделся, душ не принял, урод.

— А че я, грязный, что ли? — удивленно вскинул он белесые брови, когда она сделала ему замечание. — Я же сексом занимался с любимой женщиной, не картошку копал.

Логика потрясающая! Лидочка терпеливо улыбнулась, поставила Мишке щеку для поцелуя, выслушала от него очередную порцию нытья про Машку, ее мужа и сволочного отца, не желающего разменивать квартиру и давать деньги ему на свадьбу.

— Но свадьба будет, малыш! — пообещал он, странно озорно сверкнув в ее сторону глазами. — Я сто пудов что-нибудь придумаю.

— Что? — устало вздохнула Лидочка, мягко подталкивая его в спину. — Папулю придушишь во сне? Или Машку с мужем закажешь?

— А че? — хохотнул Мишка и судорожно дернул кадыком, сглатывая. — Неплохая идея, лапуля! Я ведь единственным наследником остаюсь! Единственным. У Машкиного Вовки никого нет. Никого...

ГЛАВА 3

Под мягкий шелест дождя невероятно хорошо дремалось в кресле. В старинном камине с прокопченным дымоходом, погнутой решеткой и растрескавшейся каминной доской, уставленной прежде фотографиями многочисленной теткиной родни, тлели угли. Но вставать и шевелить их, чтобы поддать жизни затухающему пламени, было лень. А ведь достаточно было сделать один шаг, взять в руки старую кочергу, упереть ее крюк в подер-